

АСТРА МИНТАКА

В АВДОТЬЮ
НАШУ
ВСЕЛИЛИСЬ
БЕСЫ!

Астра Минтака В Авдотью нашу вселились бесы!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70594792

SelfPub; 2024

Аннотация

Продать душу дьяволу, отдаться в цепкие лапы инопланетян или принести человеческие жертвы: на что готовы пенсионерки, чтобы повернуть время вспять? Обложка создана с помощью нейросети MidJourney.

Астра Минтака В Авдотью нашу вселились бесы!

– Говорю тебе, в Авдотью нашу вселились бесы!

Баба Глаша поёрзала на скамейке, поправила цветастый платок на голове и повернулась к Марье Ивановне. – Истинная правда, вот те крест, как перед богом говорю, – настаивала пенсионерка, заглядывая в выцветшие глаза собеседницы.

Та только поджимала губы, слушая рассказы соседки. Разве может она, учительница с сорокалетним стажем, поверить в выдумки деревенщины, большую часть жизни отдавшей дойке коров?

Марья Ивановна вздохнула и слегка отодвинулась от напирющей Глафиры.

На город опускался вечер. Свежий осенний ветер шуршал листьями, гоняя туда-сюда по асфальту, и она лениво следила за их передвижениями сквозь толстые стёкла очков.

– Марь Ванна, – не отставала соседка, – батюшку надо заказывать, чтобы приехал и изгнал бесов-то.

– Глафира, не несите чушь, – с очередным вздохом ответила учительница. – Посмотрите лучше, какая красота вокруг: воздух кристально прозрачный, листья стелются багря-

ными тропинками, а запах! Как в лесу.

Пенсионерка притихла, оглянулась по сторонам, втянула в себя воздух с такой силой, что ноздри раздулись как кузнечные меха. Потом, что-то учуяв, понюхала воротник своей старенькой куртки, оттопырив его и по-птичьи вытянув голову. Одежка, тонкая не по сезону, почти не грела, и Глафира поддевала под низ шерстяную кофту. Иногда две. Молния на куртке барахлила, часто заедала и закрывалась не до самого верха, поэтому на шею в обязательном порядке повязывался мохеровый шарф – писк моды восьмидесятых годов. Из-под куртки до самых пят опускалась широкая бархатная юбка, изрядно потертая дворовыми скамейками. Она ни с чем не сочеталась и делала хозяйку похожей на цыганку. Завершала образ массивная обувь на тракторной подошве, этакие ботинки-внедорожники. Хоть грязь меси, хоть по болотам ходи – они выдержат и не развалятся. Сидя на лавке, Глафира изредка покачивала то одной, то другой ногой, и ботинки выныривали из-под юбки и кокетливо блестели начищенными боками.

Обнюхав куртку целиком, пенсионерка осознала комичность ситуации и отмахнулась.

– Да ну тебя, Марь Ванна. Ты бы послушала, чего говорю. Просыпаюсь вчерась ночью: гул какой-то за стенкой. У Авдотьи как будто генератор работает. Я халат на ночнушку накинула, тапки надела – и к ней. В дверь звоню. Никто не открывает, и гул не прекращается. Постояла минут пять,

потрезвонила. А потом раз, и дверь толкнула. Случайно. Та и открылась! Я зашла, вижу: Авдотья наша посреди кухни стоит в одном исподнем, и на неё через окно фары светят. Да так ярко, что глаза слепят. А она в этих лучах замерла и сама сияет, словно лампочка Ильича.

– Глафира, а тебе не приснилось? Не может соседка наша сиять. Да и какие фары? Где ты видела такой автомобиль, чтобы фонарями до третьего этажа достреливал?

– А я и не говорила про машину, НЛЮ это был! Н. Л. О.

Глафира всем телом нависла над учительницей, стараясь доказать свою правоту. Марья Ивановна мягко отодвинула её рукой. Пенсионерка села на место.

– И что случилось дальше?

– Внезапно свет фар переключился на меня. Я на миг ослепла и, кажется, потеряла сознание. Открываю глаза – передо мной Авдотья стоит, лицо встревоженное, глаза красные как угольки. Спрашивает, что случилось, на кой чёрт к ней ночью припёрлась. Я остолбенела – испугалась взгляда бесовского. Но нашла в себе силы ответить: дверь открыта была, вот и зашла проведать.

Авдотья успокоилась, посмотрел на меня как прежде, по-доброму. Говорит: «Спать иди, всё у меня хорошо». И за дверь выставила.

Я ушла, но взгляд этот, глаза красные забыть не могу. Батюшку надо пригласить, пусть изгонит нечистую силу.

– Так это чертовщина была или НЛЮ? – уточнила учитель-

ница не ради интереса, а скорее, чтобы поддержать беседу. Марья Ивановна не верила Глафире. Но воспитание и врожденное чувство такта не позволяли прямо сказать «врешь ты всё» и перевести тему разговора.

Она тоже временами покачивала ногами, затянутыми в плотные колготки. И модельные полусапожки с острыми носами создавали диссонанс с грубыми ботинками Глафиры. Впрочем, и пальто учительницы, пошитое по последней моде, контрастировало с выдавшей виды курткой бывшей доярки. Жирную точку в сравнении ставила шляпка, приехавшая из столицы законодателей моды в качестве подарка от одной из бывших воспитанниц. Марья Ивановна носила её чуть наискосок, отчего весь её облик становился чуть моложе и задорнее.

– Не знаю, – пожалала плечами Глафира и внезапно схватила учительницу за плечо. – Идёт!

По дорожке, шурша листьями, ковыляла Авдотья. Она заложила обе руки за спину и неровной походкой, шаркая старомодными туфлями, направлялась к ним.

Соседки на лавке притихли.

– Авдотья Павловна, добрый день! – приветствовала пенсионерку учительница. – Не хотите присоединиться к нам, воздухом подышать? Погода сегодня чудесная.

– Отчего же не подышать? Ну-ка, Глашка, подвинься.

Авдотья тяжело опустилась на скамейку. Её грузное тело до пят было укутано в шерстяное пальто, источающее

запах сырости и нафталина; голову покрывал платок, нелепо завязанный на лбу. Глаза лихорадочно блестели.

Глафира вжалась в скамейку и вся как-то съёжилась, отчего стала похожа на нашкодившего щенка, ожидающего наказания.

Тем временем Марья Ивановна продолжила разговор:
– Говорят, НЛЮ у нас объявился, по ночам спать не даёт, в окна заглядывает, фарами светит.

– Правду говорят, – отозвалась Авдотья. – Самолично видела.

Глафира, сидевшая поникшая, со сгорбленной спиной, при этих словах выпрямилась как палка и торжествующее посмотрела на учительницу.

– Инопланетян видела? – полюбопытствовала Марья Ивановна.

Авдотья кивнула.

– Вот! Не приснилось мне, не приснилось! – возликовала Глафира.

– Зачем же они на Землю прилетели, людей тревожат? – продолжала выспрашивать учительница.

– Жизнь предлагают вечную.

– Чего?

– Здоровье крепкое и молодость в обмен на двух девочек.

От удивления Марья Ивановна сняла очки, не отдавая себе отчёта в действиях, протёрла их о лацкан рукава и водрузила на место.

Авдотья проследила за её движениями и продолжила:

– После семидесяти здоровье совсем сдало: то спину прихватит, то суставы выкрутит. Про зрение даже говорить не хочется, село так, что перестала видеть дальше собственного носа. В квартире-то с закрытыми глазами что угодно найдешь, а на улице как? В магазин отправишься с бадиком и то, сто раз споткнешься. Ногу я ломала, помните? В двух местах! Полгода восстанавливалась. А всё из-за зрения проклятого.

Месяц назад операцию собиралась делать на глаза: с врачами договорилась, анализы сдала, документы собрала. Завещание написала на всякий случай. Но решила обождать – боялась сильно. А сегодня без очков и без операции хорошо вижу. И кожа стала как в пятьдесят – гладкая да свежая.

В доказательство она вытянула перед собой руки. Те и правда выглядели помолодевшими.

– И кого ты отдала инопланетянам? – осторожно уточнила Глафира.

– Дык, внучек своих – Лерку и Верку. Дочь на выходных привозила. Пользы от них никакой, один шум. Слава Богу, избавилась.

Авдотья улыбнулась, и престарелые соседки заметили, что и зубы у неё свои, а не вставные, что были раньше.

– Марья Ивановна, не хотите с нами молодость вернуть, здоровье поправить, приблизиться к вечной жизни?

– С кем «с нами»? – удивилась учительница.

– Глашка вчера вступила в наш клуб просвещённых, когда ночью ко мне пришла. На неё пролился благословенный свет – процесс запущен.

Она подалась всем телом в сторону Глафиры и спросила:

– Когда к тебе внучка приезжает? Завтра? А вторую можно и опосля привести.

Та побледнела как мел и начала медленно сползать со скамейки. Учительница схватила её за куртку, придержала. Воцарилось гробовое молчание, и было слышно лишь шуршание листьев, гоняемых ветром.

Шорох шагов вывел пенсионерок из оцепенения. Они дружно повернули головы и увидели приближающуюся фигуру... Авдотья!

– Свят, свят, свят! – запричитала Глафира, осеняя себя крестным знаменем.

– Ещё одна... Авдотья! – прошептала учительница.

– Галка, а я тебя везде ищу, – возвестила гостя, приближаясь к скамейке. – Марья Ивановна, Глашка, вы уже успели познакомиться с моей сестрой? На пятнадцать лет младше, а похожи мы как две капли воды. Раньше даже путали, но потом я сильно сдала, постарела. Смотрю, пальто моё надела. Замёрзла? У нас Москва, не ваши Сочи вечнозелёные.

Настоящая Авдотья доковыляла до скамейки и облокотилась на свежеекрашенную деревянную спинку.

– Девчат, чего такие бледные? Я и с плохим зрением ви-

жу, что вы цвета плесени на хлебе, который месяц в пакете лежал. – Вставай, Галка. Дела у нас.

И, растолкав сестру, Авдотья потащила её прочь от скамейки.

– Вот видишь, Глафира, нет никаких инопланетян. И НЛО нет. Просто у Авдотьи сестра – шутница. В гости приехала, а мы и не знали.

– Нет у неё сестры. Мы вместе в детдоме росли, знаем друг о друге всё. Ни сестры, ни родителей, ни других родственников. Подкидыш она, как и я. И свет фар НЛО мне не привиделся. Был он, да такой яркий, что я сознание потеряла.

– Успокойся, Глафира, – попыталась утихомирить соседку Марья Ивановна.

– Инопланетяне её захватили. Или бесы вселились, – настаивала на своём пенсионерка.

– Такого быть не может, ты же понимаешь, – не выдержала учительница.

– Я никогда не ошибаюсь! – неожиданно резко произнесла соседка. – Разве может высшее существо ошибаться? – спросила она, всматриваясь в лицо учительницы в сгущающихся сумерках. Та поймала взгляд и похолодела: её сверлили красные как угольки глаза Глафиры.

– Высшее существо? – эхом повторила Марья Ивановна, чувствуя, как страх парализует её.

– Теперь – да! И Вы можете им стать: просто приведите двух девочек. Небольшая плата за долголетие и вечную мо-

лодость, согласитесь.

– Зачем же две? Одной не хватит? – еле слышно спросила учительница, пытаясь выиграть время. Она понимала: надо уходить, убегать прочь от Глафиры, в которую вселилась инопланетная сущность. Только ноги не слушались, неподвижно стояли, точно свинцовые болванки, а сердце колотилось так громко и неровно, что, казалось, его биение слышит и порабощенная соседка. Соседка, которая минуту назад общалась по-человечески, адекватно и внезапно возомнила себя высшим существом.

«Может, вызвать «Скорую», пусть приедут с санитарями, заберут её в сумасшедший дом? – промелькнула у учительницы шальная мысль. – Обколят препаратами, глядишь, и убьют паразита, который обосновался внутри тела Глафиры».

– Одна девочка нужна, чтобы повернуть вспять процесс старения, запустить механизм регенерации, а другая – вместо батарейки, поддерживать жизненные силы во взрослом организме.

Марья Ивановна нащупала сотовый телефон в кармане модного пальто. Получится ли незаметно набрать номер? Позвать на помощь...

– Даже не думай, – рявкнула Глафира, словно читая мысли. Стремительно, подобно змее в броске, она схватила учительницу за предплечье. Электрический ток пробежал по руке. Марья Ивановна вскрикнула от боли, выронив телефон. –

От меня не скрыться. И звонить бесполезно. Я сожгу любого одним прикосновением, одним взглядом, – прошептала соседка, наклонившись к самому уху учительницы. И, встав, схватила её за второе предплечье.

Боль растеклась по телу огненной лавой, проникла в каждый орган, пронзила мышцы, скрутив их судорогой. Марья Ивановна хотела закричать, но не смогла. Словно рыба, выброшенная на берег, открывала и закрывала рот, не в силах издать ни звука. Боль стала невыносимой. «Я умираю» – догадалась она и потеряла сознание.

Очнулась уже лежащей на лавке, над ней нависала Глафира. Вокруг стемнело, стояла тишина, и только гоняемые ветром листья шуршали об асфальт.

– Процесс имплантации прошел успешно, – констатировала соседка, – добро пожаловать в наши ряды.

Учительница подняла голову и хотела было возмутиться, как неожиданно ответила:

– Я очень рада, Глафира, давно мечтала вернуть молодость и здоровье, но боялась признаться в этом даже себе.

Слова сами слетали с губ, не подчиняясь ей. Будто кто-то сидел в голове и командовал, что сказать, что сделать. А она, безвольная пленница в собственном теле, вынуждена была выполнять указания.

– Ну и хорошо, – улыbnулась Глафира. – Девочек когда приведешь?

Марья Ивановна села и на секунду задумалась.

– Завтра ко мне придут две ученицы, как раз подходящего возраста. Вот их и забирайте, – ответила она, ужасаясь сказанному. Учительница была не в силах закрыть рот, чтобы остановить поток слов, не могла себя контролировать. Словно марионетка, управляемая невидимым хозяином, поднимала руки, дергала ногами, крутила головой.

– Вот и ладненько, – обрадовалась Глафира. – Завтра снова встретимся. А сейчас ступай домой, обдумай ситуацию, привыкни к новому положению.

Она помогла Марье Ивановне встать и слегка подтолкнула в спину, направив в сторону дома. – Ступай же, чего стоишь?

Учительница встрепенулась и на шарнирных ногах, нехотя, двинулась вперёд. Соседка смотрела вслед. Будто упирающегося бычка тащили на невидимой веревочке. Против воли. Против желания.

«С одной старухи – две девочки, с другой – две девочки, так и закончатся на планете женские особи, способные к деторождению, – рассуждало инопланетное существо внутри Глафиры. – Молодость и здоровье можно вернуть пожилым землянкам, а репродуктивная функция не восстанавливается. Всего через пару десятков лет не останется ни одной женщины, способной оставить потомство. Раса вымрет сама. И мы, высшие создания, займём эту голубую планету и построим новый прекрасный мир».